Юрий М. ЛОТМАН (Тарту)

Дорогой друг!

Приближается твое шестидесятилетие. Что подарить тебе к нему? Прими вместо подарка это письмо - небольшой разбор одного стихотворения. Что дарить филологу от филолога, как не изделие своего цеха? Стихотворение Пастернака "Дрозды":

Дрозды

На захолустном полустанке
Обеденная тишина.
Безжизненно поют овсянки
В кустарнике у полотна.

Вескрайний, жаркий, как желанье,
Прямой проселочный простор.
Лиловый лес на заднем плане,
Седого облака вихор.

Лесной дорогою деревья
Заигрывают с пристяжной.
По углубленьям на корчевье
Фиалки, снег и перегной.

Наверное, из этих впадин
И пьют дрозды, когда взамен
Раззванивают слухи за день
Огнем и льдом своих колен.

Вот долгий слог, а вот короткий.
Вот жаркий, вот холодный душ.
Вот, что выделывает глоткой,
Луженной лоском этих луж.

У них на кочках свой поселок,
Подглядыванья из-за штор,
Шушуканье в углах светелок
И целодневный таратор.

По их распахнутым покоям
Загадки в гласности снуют.
У них часы с дремучем боем,
Им ветви четверти поют.

Таков притон дроздов тенистый.
Они в неубранном бору
Живут, как жить должны артисты.
Я тоже с них пример беру.

1941[1]

Стихотворение относится к последним, написанным перед войной и завершает собой творчество "мирного" периода. В сборнике *На ранних поездах* включалось в раздел "Переделкино", имевший подзаголовок: "Начало 1941 года".

Смысловая структура стихотворения образуется наложением двух пространственных моделей. *Первая* образуется столкновением начальной строфы со второй и третьей. Противопоставление актуализирует образы:

сжатого пространства	⟷	распахнутого пространства (простора)
образ остановки, захолустья: "захолустный полустанок"		образ дороги "бескрайный (...) проселочный простор,
"обеденная тишина"		"лиловый лес", "облако".

Окраска "лиловый" лес и "седое" облако, одновременно с упоминанием "заднего плана", создают впечатление зрительной удаленности

неподвижности	⟷	движения
сочетание "захолустности" с семантикой "перерыва" (*обеденная* тишина) передает значение, вечного, *непрерывного* перерыва, перерыва в жизни, что поддерживается эпитетом "безжизненного". Возникает образ застоя, неподвижности.		"деревья заигрывают с пристяжной" - строки создают образ движения, веток деревьев, цепляющихся на узкой лесной дороге за спину и голову лошади (скрытую семантику движения создает также образ стрелы, возникающий из характеристик дороги как "прямой" и ее узости): пристяжная, чуть сбоку, уже цепляется за деревья!

Далее пространственный образ расширяется, и в понятие "дороги" начинает включаться как бы синонимичный ей "лес". Лес объединен с дорогой причастностью к миру жизни и движения. Он движется: во второй строфе он еле виднелся на заднем плане, в третьей - он "заигрывает" с едущими *сквозь* него лошадьми. Способность "играть" для Пастернака - один из основных признаков жизни (ср. "Вакханалию": "Сколько надо отваги,// Чтоб играть на века,// Как играют овраги,// Как играет река..."; "Мейерхольдам": "Так играл пред землей молодою// Одаренный один режиссер..." и др.).

Дорогу и лес поэт объединяет яркой выраженностью температурного признака. Бестемпературность ⟷ контрастность температурных характеристик в мире Пастернака звучит как антитеза безэмоциональности и эмоций. Картина полустанка нарисована так, что нельзя определить времени года, погоды, температуры. Противостоящий мир - "жаркий как желанье" и одновременно "по углубленьям на корчевье (...) снег". Эта антитеза прямо ведет к другой:

безжизненно поют овсянки ⟷ дрозды (...) раззванивают (...) огнем и льдом своих колен (...) вот жаркий, вот холодный душ.

Пространственный контраст преображается в контраст безжизненного пения и пения, полного жизни (жизнь = *контрастам* голосовых колен).

Следующая строфа вводит вторую пространственную модель: неожиданно возникает образ птичьего "поселка", наделенного всеми признаками милой Пастернаку и единственно настоящей, с его точки зрения, простой жизни "без помпы и парада": здесь

Подглядыванье из-за штор,
Шушуканье в углах светелок...

"Светелки", "часы с дремучем боем", отзванивающие четверти, вызывают образы устоявшегося, провинциального и, одновременно, как бы "бабушкиного" быта. Этот образ применительно к птичьему миру совершенно неожидан. Смысл его раскрывается местоимением "свой":

У них на кочках *свой* поселок...

Такое построение фразы подразумевает существование какого-то другого поселка, противопоставленного певчему жилью дроздов. Поселок этот назван в подзаголовке "Переделкино" (булгаковское "Перелыгино"). Это реальный подмосковный писательский поселок, в котором Пастернак жил, начиная с 1936 г. Но то, что во втором пространственном противопоставлении "поселок дроздов - поселок поэтов" второй член подразумевается, как бы уплотняет его с первой пространственной антитезой и переносит на него образную характеристику полустанка овсянок. Писательский поселок охарактеризован умолчанием. Образ его возникает из сопоставления с овсянками и противопоставления дроздам.

Заключительная строфа отождествляет "притон дроздов тенистый" с нормой поэтического быта и с пространством автора.

Одновременно стихотворение строится контрастным соотнесением автобиографических деталей (смена зрительных впечатлений и мыслей поэта во время реального движения со станции железной дороги в Переделкино) и известных строк Гете:

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet:
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Стихотворение это породило огромную традицию цитации и неадекватных толкований. Пастернак возвращает нас к подлинному и глубоко понятному смыслу стихов Гете о природе поэтического творчества. Однако хотелось бы отметить, что абстрактный образ гетевской птицы заменен у Пастернака веселым и вольным Дроздом.

Ю. Лотман

PS. Итак, да здравствуют Drozd'ы
"Я тоже с них пример беру!"

П р и м е ч а н и е

1. Борис ПАСТЕРНАК, *Стихотворения и поэмы*, Москва-Ленинград 1965, 407-408. Первая публикация: Сб. *На ранних поездах*, Москва 1943, Советский писатель.